

Особенности репрезентации концептуальной диады жашау — ёлюм в карачаево-балкарской этнической культуре

Светлана К. Башиева, Зульфия М. Ульбашева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье рассмотрены особенности бытования в карачаево-балкарской культуре концептов «жашау — ёлюм» 'жизнь — смерть', которые понимаются как концептуальная диада. Концепты культуры анализируются в рамках концепции Ч. К. Ламажаа в трех ипостасях: концепты-словоформы, концепты-идеи, концепты-социальные регуляторы.

Этимологический анализ концептов-словоформ показал, что лексемы «жашау» и «ёлюм» восходят к древнетюркским корням, о чем свидетельствует наличие полных эквивалентов или фонетических вариантов в других тюркских языках.

Анализ идейного содержания концептов показал наличие их сложной структуры — составных лексем: жан 'душа', кьадар 'судьба', заман 'время', смысловое содержание которых обусловлено историко-культурным опытом карачаево-балкарского этноса. Оно включает комплекс аксиологических характеристик: благополучная, светлая, беспроблемная, честная, тяжелая, бесславная, неприличная, короткая жизнь, predeterminedная свыше неизбежная смерть. Также можно говорить о когнитивных признаках, в которых эксплицированы глубинные стороны жизни и смерти (временность в этом мире, бессмертие души, вера в судьбу, неизбежность жизненного сценария, скоротечность, невозвратность времени и др.). В сознании карачаевцев и балкарцев «жашау — ёлюм» понимаются как логически взаимосвязанные начало и конец, predeterminedные судьбой, временем.

Для понимания социально-регулятивной стороны концептов приведены примеры из социальной практики карачаевцев и балкарцев. В них зафиксированы различные ритуальные действия, отражающие отношение этноса к жизни и смерти, в частности приготовление к смерти как неизбежной данности, уважение памяти умершего, поминальные трапезы.

Ключевые слова: этническая культура; карачаево-балкарская культура; концепт культуры; когнитивный признак; жизнь; смерть; концептуальная диада

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Башиева С. К., Ульбашева З. М. Особенности репрезентации концептуальной диады жашау — ёлюм в карачаево-балкарской этнической культуре // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 448-458. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.27>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: z.gaboeva@yandex.ru

Features of the representation of the conceptual dyad *Zhashau — Elyum* in the Karachay-Balkarian ethnic culture

Svetlana K. Bashieva, Zulfiya M. Ulbasheva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines the features of the concepts Zhashau — Elyum ('life — death') in Karachay-Balkar culture, which are understood as a conceptual dyad. The cultural concepts are analyzed within the framework of Ch. K. Lamazhaa's theory in three aspects: concept-word-forms, concept-ideas, and concept-social regulators.

An analysis of the ideological content of the concepts revealed their complex structure, consisting of compound lexemes: jan 'soul', qadar 'fate', and zaman 'time', whose semantic content is determined by the historical and cultural experience of the Karachay-Balkar ethnic group. The etymological analysis of the concept-word-forms showed that the lexemes Zhashau and Elyum trace back to ancient Turkic roots, as evidenced by the presence of full equivalents or phonetic variants in other Turkic languages.

An analysis of the ideological content of the concepts revealed their complex structure, consisting of compound lexemes: jan 'soul', qadar 'fate', and zaman 'time', whose semantic content is determined by the historical and cultural experience of the Karachay-Balkar ethnic group. It includes a complex of axiological characteristics: prosperous, bright, trouble-free, honest, difficult, inglorious, disgraceful, short life predetermined from above, and inevitable death. One can also speak of cognitive features in which the profound aspects of life and death are explicated (temporality in this world, immortality of the soul, belief in fate, inevitability of life scenario, transience, irreversibility of time, etc.). In the consciousness of the Karachays and Balkars, Zhashau — Elyum are understood as logically interconnected beginning and end, predetermined by fate and time.

To understand the socio-regulatory aspect of the concepts, examples from the social practices of the Karachays and Balkars are provided. These examples document various ritual actions reflecting the ethnos' attitude toward life and death, in particular, preparation for death as an inevitable fact, respect for the memory of the deceased, and memorial feasts.

Keywords: ethnic culture; Karachay-Balkar culture; cultural concept; cognitive feature; life; death; conceptual dyad

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 43).

For citation:

Bashieva S. K. and Ulbasheva Z. M. Features of the representation of the conceptual dyad *Zhashau — Elyum* in the Karachay-Balkarian ethnic culture. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 448-458. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.27>

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

ULBASHEVA, Zulfiya Mustafirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Введение

Человеческое бытие является важнейшей частью концептуальной картины мира любого этноса, в которой запечатлены результаты познавательной, социальной деятельности многих поколений, отраженные на ментальном уровне в специфике восприятия реальности, в устойчивых мировоззренческих установках, ценностных ориентирах. На наш взгляд, в этом контексте актуальным является изучение лингвоментальных категорий, объективирующих такие аспекты, как смысл жизни, предопределенность судьбы, телесная смерть, опыт приятия которых запечатлен в паремиологических, фразеологических единицах, репрезентирующих компоненты базисных этических концептов, к которым относятся и бинарные категории «жизнь — смерть».

Проблема жизни и смерти не перестает привлекать к себе внимание ученых, работающих в различных отраслях науки, прежде всего в философии, культурологии, филологии. Пожалуй, наиболее активно она разрабатывается лингвистами, фольклористами на материале различных культур, в частности можно отметить такие вопросы, как особенности репрезентации ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой 'жизнь' (Башиева, Дохова, Чернышова, 2024), вербализация образной составляющей концепта жизнь¹, биполярный характер концептов 'жизнь', 'смерть'². Интересными представляются исследования в тюркологии (Гусейнова, 2015; Каспихан, 2021; и др.³), особенно те, в которых выстроены модели жизни и смерти на основе фольклорных произведений. К примеру, в тувинских сказках выявлены и описаны 38 групп эвфемизмов, обозначающих смерть⁴, заслуживают внимания концепция жизни и смерти в культуре якутов⁵, репрезентация смерти в древнетюркских письменных памятниках. Например, Б. К. Каспихан приводит такой компонент концепта смерть, как предопределенность ее Тенгри — верховным богом тюрков: «От смерти не убежишь: öd täñri jasar, kiši oyłı kor ölgäli törümiş. — Время (сроки) распределяет Тенгри (властелин Неба, бог), люди же все рождены с тем, чтобы умереть» (Каспихан, 2021: 161).

Цель статьи — выявить и описать репрезентанты концептуальной диады *жашау* — *ёлюм* 'жизнь — смерть' в карачаево-балкарской этнокультуре.

Объектом исследования являются концепты *жашау* — *ёлюм* как базовые этические категории карачаево-балкарской культуры, предметом — специфика их экспликации в паремиологических, фразеологических единицах.

Задачи исследования: 1) провести анализ репрезентантов, объективирующих бинарные концепты *жашау* — *ёлюм*; 2) выявить их аксиологические, когнитивные признаки.

¹ Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2005.

² Тарасенко Т. Н. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и в сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Комсомольск-на-Амуре, 2008; Лоскутова Т. Н. Концепты «жизнь» — «смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Челябинск, 2009; Бочарникова И. В. Ценностно-смысловое варьирование лингвокультурного концепта «Жизнь»: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Волгоград, 2013; Логинова М. М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2017; и др.

³ Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: реконструкция, традиции и современность: На материале культуры саха: автореф. дисс. ... д-ра истор. н. Якутск, 2000; Мотыгуллина З. А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Казань, 2007; Монгуш Н. М. Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: сборник статей, посвященный 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2021. С. 719–730.

⁴ Монгуш Н. М. Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках ...

⁵ Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: ...

В качестве эмпирического материала послужили лексические, фразеологические единицы из толкового¹, этимологического², фразеологического³, энциклопедического⁴ словарей, сборника пословиц и поговорок⁵, этического кодекса карачаевцев и балкарцев, представленного в систематизированном формате как культурное наследие народа в книге «Ёзден адет»⁶.

Работа выполнена на основе методологического подхода к исследованию этнических культур, разработанного Ч. К. Ламажаа в формате концептуализации этнокультур (Ламажаа, 2023). Автор рассматривает концепты культур не только как термины лингвокультур, что на сегодня распространено в лингвокультурологии, не только как концепты-словоформы, но и как концепты-идеи, как концепты — социальные регуляторы. В нашем случае мы также учитываем филологические исследования, обращаемся к широкому культурному полю — к концептам-идеям, а следом и за теми социокультурными практиками, которые соответствуют им.

Новизна исследования заключается в том, что концептуальная диада *жашау — ёлюм* впервые рассматривается как совокупность концептов-идей, эксплицирующих различные этнокультурные ценности карачаево-балкарского этноса и выражающаяся в социокультурных практиках. Это согласуется с предложением Ч. К. Ламажаа «изучать культуру, не исходя из дисциплинарных особенностей, что не только “дробит” культуру на отдельные ракурсы, но и обуславливает дальнейший отрыв дисциплин друг от друга (а порой и полное непризнание вклада в общее дело представителей разных научных отраслей)» (Ламажаа, 2023: 14).

Концепты-словоформы диады *жашау — ёлюм*

Рассматриваемая концептуальная диада *жашау — ёлюм* состоит из антонимических базовых категорий:

— *жашау* (татар. *яшау*, турк. *яшайыш*, *дурмуш*, узб. *yashash*, казах. *өмір*, кирг. *өмүр*, *тиричилик*, *турмуш*, *ногай. яшав*, *оьмир*, азерб. *yaşayış*, *ötür*) в значениях 1) ‘особая форма жизнедеятельности’, ‘особая форма движения материи’, ‘реальная действительность, бытие’; 2) ‘физическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти’⁷;

— *ёлюм* (азерб., турк., тур. *ölüm*, башк., тат. *ülem*, каз. *өlim*, кир., тув. *өлүм*, узб. *о’лим*) в значениях ‘смертный час, смерть, кончина’⁸, ‘умирать, кончаться, быть мертвым’; ‘гибнуть’; ‘вянуть, сохнуть, чахнуть’⁹.

Мы зафиксировали в эмпирическом материале все грамматические формы лексем *жашау* (*жашауну*, *жашаугъа*, *жашауу*, *жашаудан*, *жашауда*), *ёлюм* (*ёлюмню*, *ёлюмге*, *ёлюмю*, *ёлюмден*, *ёлюмде*), их дериваты *жашаргъа* ‘жить’, *жашаулу* ‘пожилой’, *жашаусуз* ‘безжизненный’, *жашагъан* ‘проживший’, *ёлюмсюз* ‘бессмертный’, *ёлюмсюзлюк* ‘бессмертие’, а также связанные с ними семантически и граммати-

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. I том. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996; Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. II том. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002; Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’ и ‘Й’ / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989.

³ Башиева С. К., Жарашуева З. К. Къарачай-малкъар школ ангылатма фразеология сёзлюгю [Школьный толковый фразеологический словарь]. Нальчик: Эльбрус, 1994.

⁴ Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Ансар», 2007.

⁵ Балкарские пословицы и поговорки / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982; Къарачай-малкъар нарт сёзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018.

⁶ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005.

⁷ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. I. Нальчик «Эль-фа» Китап Басма, 1996. С. 857–858.

⁸ Там же. С. 274–275.

⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основ на гласные. М.: Наука, 1974. С. 522.

чески словосочетания, предложения, в том числе с переносными значениями, в частности речь идет о фразеологизмах, пословицах и поговорках.

Их анализ показал, что в карачаево-балкарской этнической культуре жизнь оценивается в рамках шкалы от «хорошо» до «плохо» — как

1) благополучная: *болумлу жашау* 'обеспеченная жизнь', *токъ жашау* 'сытая жизнь', *иги жашау* 'хорошая жизнь', *зауукъ жашау* 'беспечная жизнь', *дамлы жашау* 'сладкая, вкусная жизнь', *насытлы жашау* 'счастливая жизнь', *къууанч жашау* 'радостная жизнь', *жашауну игиси, зауугъу* 'блага жизни';

2) светлая: *жарыкъ жашау* 'светлая жизнь';

3) бесппроблемная: *къайгъысыз* 'жизнь без переживаний, проблем'; *дауурсуз жашау* 'жизнь без ссор';

4) честная: *халал жашау* 'законная жизнь', *ётюрюксюз жашау* 'жизнь без обмана';

5) тяжелая: *ауур жашау* 'тяжелая жизнь', *кыйын жашау* 'тяжелая жизнь', *байрамсыз жашау* 'жизнь без праздника', *итни жашауун кёрюрге* 'жить плохо', досл. 'видеть собачью жизнь'; *жашаусуз болургъа* 'известись, измучиться', досл. 'стать безжизненным'; *кыйналып жашаргъа*, досл. 'жить в нужде'; *тёзмезча кыйын жашау этерге* 'жить невыносимо, беспросветно', *жашауу таргъа тыйылыргъа* 'жизнь ухудшилась', досл. 'жизнь прилипла к теснине'; *жашау болумлары жокъдула* 'возможности жить отсутствуют';

6) бесславная, неприличная: *бедишли жашау* 'позорная жизнь', *айыплы жашау ыз* 'постыдный жизненный путь', *жашау жорукъланы бузгъан* 'нарушивший нормы, принципы жизни', *жашаудан жангылгъан* 'сбившийся с жизненного пути';

7) короткая: *къысха жашау* 'жизнь, ограниченная во времени', *хаух жашау* 'временная жизнь', *жашау шок отча кюйюп къалады* 'жизнь горит, как огонь выстрела из ружья'.

Смерть 'ёлюм' характеризуется в этническом сознании карачаевцев, балкарцев как

1) предопределенная свыше: *аллахны буйругъу* 'приказ аллаха', *ажалы жетди* 'наступило время смерти';

2) неизбежная: *ёлюмден киши къутулмайды* 'от смерти никто не может спастись', *ёлюм кимгеда тёреди* 'смерть положена для всех', *ёлюм адам къоймаз* 'смерть не обойдет ни одного человека';

3) необратимое окончательное прекращение существования: *ёлдю, кетди* 'умер, ушел';

4) окончание испытаний: *тынчайды* 'успокоился', *жерин тапды* 'нашел свое место', *сал болду* 'стал погребенным'.

В совокупности перечисленные признаки составляют единое смысловое поле концептов *жашау* — *ёлюм* как когнитивные признаки концептов-идей: *жан* 'душа', *къадар* 'судьба', *заман* 'время'.

Концепты-идеи

Говоря об идейном наполнении рассматриваемых концептов, необходимо обратиться к их взаимосвязи с другими важными концептами культуры. Например, рассматривая смыслы концепта *жашау*, нельзя обойти вниманием еще один важный концепт культуры *жан*, поскольку они взаимосвязаны.

В карачаево-балкарском языке слово *жан* (баш. *йән*, кумык., татар. *жан*, азерб., турец. *can*), согласно лексикографическому толкованию, имеет два значения 'душа' и 'человек'¹. Первое значение связано с классическим пониманием души как бессмертной субстанции, физиологически связанной с жизнью и смертью, что репрезентировано в карачаево-балкарском языке фразеологическими единицами *жаным ичимде болуб* 'пока я жив', досл. 'пока душа в теле'; *жан бла тёнгекчадыла* 'неразлучны как душа и тело', второе значение — с количеством людей, например, *юйде терт жан барды* 'в доме четыре души'.

В этнической культуре *жан* 'душа' как витальная сила представлена элементами, свидетельствующими о ее всеоудшевленности: 1) *кёл* 'душа'; 'внутренний мир человека': *кёлюнг таза болса, сёзюнг маза болур* 'если душа чиста, то и слово будет действенным'; *кёлюме тийдинг* 'обидел', досл. прикос-

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангълатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужев. Ючтомлукъ. Т. I. Нальчик: Эль-фа Китап Басма. 1996. С. 794.

нулся к душе моей; 2) *ал* ‘первооснова’: *адамны жаны алды* ‘первооснова человека — душа’; 3) *кэут*: ‘душа’, ‘внешний вид’: *кэут кирди* ‘душа вошла’, *кэутсуз адам* ‘неприятный лицом’ (досл. ‘человек без души’); 4) *тин* ‘дух, душа’: *тин кирди* ‘оживился’ (досл. ‘душа вошла’); 5) *ах* ‘душа’: *ахым кетди* ‘душа ушла’; 6) *бус* (*мус*) ‘творческая сила’¹, что в определенной степени коррелирует с данными исследований концепта в других тюркских языках. Например, У. Г. Гусейнова по результатам анализа древнетюркских письменных памятников установила, что концепт *жан* ‘душа’ в них представлен лексемами *тын*, *кут* и *сюр*, «которые обозначают три состояния души» (Гусейнова, 2015: 100). Они локализованы в различных частях тела: *ал* — в лобной части (выше переносицы), *кэут* — в промежности, *тин* — рядом с солнечным сплетением, *ах* — в гортани, *бус* (*мус*) — в мозгу². Таким образом, все жизненно важные части тела — от промежностей до головы — являются вместилищами различных проявлений души. Исследователь нартского эпоса М. А. Ахматова утверждает, что концепт *жан* является «культурной доминантой национального сознания, эксплицирует определенные ментальные предпочтения в духовно-нравственном аспекте» (Ахматова, 2014: 207).

Однако несмотря на то, что в культуре карачаевцев и балкарцев доминируют древние установки тюркской культуры, на понимание жизни и смерти большое воздействие оказал ислам, что привело к трансформации прежде всего похоронно-погребального обряда, терминологическими вербализаторами которого являются арабизмы *салах* ‘извещение муэдзина с минарета траурной мелодией о чьей-л. смерти’, *кебин* ‘саван’, *деюр* ‘обряд выкупа грехов покойного’, *иясын* ‘заупокойная молитва’, *дуа* ‘молебен в течение трех дней после похорон’, *талкзын* ‘последняя молитва над могилой после погребения’, *табут* ‘погребальные носилки’ и др., что подтверждается утверждением Р. Ш. Зельницкой о том, что «в настоящее время похоронные и поминальные обряды народа сохраняют значительное число элементов традиционной национальной культуры, но в то же время испытывают на себе сильное влияние ислама» (Зельницкая, 2018: 52).

В соответствии с прагматическими установками в языковом сознании карачаево-балкарского этноса *жан* ‘душа’, согласно результатам анализа формул речевого обмена, фразеологических, паремнологических единиц, имеет следующие обусловленные контекстом когнитивные признаки:

- 1) жизнь: *жан* — *татлы*, *заман* — *атлы* ‘жизнь (душа) сладка, время — всадник’, *жанга жетсе*, *кюч келир* ‘если коснется жизни (души), то силы прибавятся’, *жаны бекди* ‘живучий’ (досл. ‘душа крепкая’);
- 2) смерть: *жан берди* ‘отдал душу’, *жаны чыкды* ‘умер’, досл. ‘душа вышла’;
- 3) желание жить несмотря на трудности: *жан жашаудан тоймаз* ‘душа не может насытиться жизнью’, *жан чыккыгынчы*, *жашаудан умут кэурумаз* ‘пока душа в теле, есть надежда’;
- 4) временность души в этом мире: *жаны — санына кэонак* ‘душа — гость тела’, *жан дегенинг — бир тылпу* ‘душа — это всего один выдох’;
- 5) космогонические представления о загробном мире: *жанла кёкге учадыла* ‘души улетают в небо’, *жанла бу дуняда айланган этеди* ‘души ходят в этом мире’ (‘находятся в движении’);
- 6) готовность к самопожертвованию ради близкого человека: *жанынга кэурман болайым* в значении ‘пусть я буду жертвой для спасения твоей души/жизни’ (выражение благодарности);
- 7) наличие жизненной силы в душе: *жашарыкж жан болсун* ‘пусть будет душой, которой суждено жить’ (благопожелание при рождении ребенка);
- 8) вера в бессмертие души после смерти человека: *кэаргэанама атаммы жаны бла* ‘клянусь душой отца’, *кэаргэанама анаммы жаны бла* ‘клянусь душой матери’, *кэаргэанама кэарындашыммы жаны бла* ‘клянусь душой брата’ и др. (клятвы);
- 9) сильные чувства к кому-то: *жанымдан суйген адамым* ‘люблю больше жизни (души) своей’;
- 10) что-то очень ценное: *жан дарман* ‘лекарство для души’;
- 11) неустанность души: *сан талмаса*, *жан талмаз* ‘душа не ослабевает, пока не утомится тело’;
- 12) неприятный человек: *жан алыучу* ‘забирающий душу’ (ангел смерти);
- 13) безжалостный человек: *жаны кэатыды* ‘черствая душа’, *жаны ташды* ‘каменная душа’.

¹ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 73–75.

² Там же.

Смысловое содержание концепта *жан* намного шире, чем словарная дефиниция. Оно интегрирует в себе различные когнитивные признаки, обусловленные особенностями культуры карачаевцев и балкарцев, в частности такие, как жизнь, смерть, жизнь после смерти, моральные качества человека, способность к самопожертвованию и другие, эксплицированные различными языковыми средствами.

Другой важный, сопряжённый с диадой концепт — *къадар* ‘судьба’, ‘доля’, ‘предназначение’, ‘участь’¹, как и во многих этнокультурах, является одним из древнейших архетипов, неразрывно связанных с понятиями жизнь, смерть. Б. К. Каспихан приводит подтверждение данной мысли примером из письменного памятника в честь Культегина: «Öd täñri jasar, kiši oylı kor ölgäli törümiş... — «Вечно живет (только) Небо, человек же рождается, чтобы погибнуть в сражении» (Каспихан, 2021: 161). По мнению З. А. Мотыгуллиной, семантическое поле *Язымыш* ‘судьба’ относится к ключевым слоям татарской культуры, «которые, несмотря на смену представлений человека о мире, а также изменений в самом мире и в самом человеке, упорно не хотят исчезать из языка и смыслового пространства культуры»².

Лексема *къадар* заимствована из арабского языка, имеет значения ‘предопределенность всего сущего Аллахом’, ‘Божественное предопределение’³. В карачаево-балкарском языке используются также его синонимы: *жазыу* — имя действия к *жазаргъа* 1) писать; 2) письменность, графика; 3) судьба, жребий, предназначение: *жазыугъа кёре* ‘волею судьбы’, *аман жазыу* ‘плохая судьба’, *жазыуу битген* ‘обреченный’, *жазыуудан озмазгъа*, *жазыудан къалмазса* ‘судьбы не миновать’, *жазыу жардан атар* ‘судьба с обрыва сбросит’, *жазыу суугъа чынгатыр* ‘судьба заставит в реку прыгнуть’⁴; *юлюш* — 1) доля, надел, часть; 2) паёк, порция; 3) участь, судьба, доля⁵. Ср. *йаз* — турк., тур., азерб., кар., кум; *жаз* — к.-балк., кирг., каз., каракал. — 1) писать; 2) рисовать. Чаще всего тюрк. *jaz*- противопоставляется с монгольским *zigu* ‘чертить’, ‘рисовать’⁶; *улуш/ ülüş* — турк., турец., каракал., кар.-балк., кир., узб., уйг., баш., тат., тув. — ‘доля, часть, раздел, пай’; 2) ‘подарок, подарок детям, приданое’ — турец.; 3) ‘надел, удел, жребий’ — турк., тув., каракал.; 4) ‘подаяние; пища, посылаемая соседом соседу в качестве угощения’ — турец. диал. Центральное значение уле-: ‘делить, делить на части’ (турк., алт., тув.); ‘наделять (алт.)’⁷.

И. Р. Табаксоева рассматривает концепт *къадар* как «один из ядерных компонентов лингвокультурного пространства карачаево-балкарского народа, поскольку связан с основополагающей категорией “жизнь”» (Табаксоева, 2016: 106).

Анализ эмпирического материала показал, что в этническом сознании карачаевцев и балкарцев концепт-идея *къадар*, как и концепт-идея *жан*, представлен несколькими когнитивными признаками:

1) неизбежность жизненного сценария: *жашауу къадары* ‘судьба жизни’, *жашау жазыуу* ‘заранее написанная жизнь’, *жазыуунг алай болур эди* ‘такова твоя судьба’, *аллах берген къадар алай болур эди* ‘такова воля Аллаха’, *къадардан къутулмазса* ‘от судьбы не убежишь’, *ажал жетсе, болжал жокъ* ‘если наступил смертный час, то отсрочки нет’, *ажаллыгъа окъсуз окъ атылып* ‘в того, чей смертный час пробил, незаряженное ружье выстрелит’, *ажал жетсе, жангызса деп къоймаз* ‘если пробьет смертный час, то (тебя) из-за того, что ты единственный, (смерть) не оставит’, *ёлюмден къалым жокъду* ‘от смерти не откупишься’, *ёлюр жанга ёкюл жокъ* ‘для души, которой суждено умереть, нет защиты’, *ёлюм адам къоймаз* ‘смерть никого не оставит’, *ёлюм соруб келмез* ‘смерть приходит, не спрашивая’, *ёлюм къарт, жаш айырмайды* ‘для смерти нет старых и молодых’;

2) индивидуальная линия жизни каждого человека: *жашауу болгъанны къадары болур* ‘у кого есть жизнь, у того будет и судьба’;

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. II. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002. С. 273.

² Мотыгуллина З. А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Казань, 2007. С. 6.

³ Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Ансар», 2007. С. 180.

⁴ Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. С. 217.

⁵ Там же. С. 784.

⁶ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’ / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 70.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основ на гласные. М.: Наука, 1974. С. 627.

3) вера в судьбу и спокойное ее принятие: *туугъан кесини къадары бла жаратылады* ‘каждый на свет появляется со своей судьбой’, *адам къадарын кёрмей, кёрге кирмез* ‘человек не войдет в могилу, пока не увидит, что ему суждено’.

М. Ч. Джуртубаев в работе «Мифология и эпос карачаево-балкарского народа» утверждает, что

«понятие о судьбе было, вероятно, поздним постижением, связанным с понятием времени и философской рефлексией по поводу причин тех или иных событий и их взаимосвязи... Для того, чтобы сложилось понятие судьбы, человек должен был осознать себя личностью, стоящей в центре времени, у которой есть прошлое, настоящее и будущее, и задуматься о цели своего существования, а поскольку он считает себя творением Бога — и о причинах, по которым он сотворил людей», поэтому, очевидно, был готов к неизвестности (Джуртубаев, 2011: 191–192).

Однако жизнь в горах с суровыми климатическими условиями не могла не повлиять на характер этнического мышления, поэтому в коллективной памяти карачаевцев и балкарцев закреплена мысль о возможности влияния Всевышнего на судьбу: «*Сен мадар этсенг — мен къадар этерме*» ‘Если предпримешь меры, я сделаю судьбу’.

Концепт *къадар* в карачаево-балкарской этнокультуре эксплицируется как божественное справедливое предназначение жизни, которое может изменяться в зависимости от поступков человека: *ургъуч урулур, буугъуч — буулур: жазыуну чарыхы алай болур* ‘бьющий будет бит, душащий задушен: так движется колесо судьбы’.

Содержание третьего, важного для рассматриваемой диады концепта *заман* репрезентирует определенные темпоральные отрезки, в зависимости от возраста человека, времени года, исторического периода, различными языковыми средствами, в которых прослеживаются этноспецифические характеристики времени: *заман* — 1) время, 2) отрезок времени, 3) определённый момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п., 4) период, эпоха¹: *гитче заманда* ‘в детстве’, *жаш заманда* ‘в молодости’, *ахыр заман* ‘конец света’, *буу силегей учхан заман* ‘бабье лето’, досл. ‘время, когда летает оленья слюна’ (под оленьей слюной подразумевается паутина); *буу ёкюрген заман* ‘ранняя осень’, досл. ‘время, когда мычат олени’; *мажюсю заманда* ‘в языческое время’, *Николай заманда* ‘во времена Николая’ (царя) и др.

Синонимами концепта *заман* являются лексемы *кезиу* ‘очередь, очередность, последовательность, период’²; *ууахты* ‘время, смерть’³, *ууахтылыкъ* ‘проклятый’, ‘окаянный’; *Къысха ууахты жанынга!* прокл. ‘короткое тебе время’ в значении ‘чтобы смерть тебя поскорее взяла!’, *ууахтысыз ауушхан* ‘безвременно скончавшийся’, *ууахтысыз туугъан сабий* ‘недоношенный ребенок’. Согласно исследованиям, в понятии *заман* запечатлено нерасчлененное течение времени, а в понятиях *кезиу* ‘черёд’ и *ууахты* ‘время, смерть’ имеются самостоятельные сегменты. Так, «смысловым компонентом *ууахты* является необратимость времени, бессилие человека против его течения» (Башиева, Геляева, Кучукова 2011: 91).

Концепт *заман* представлен следующими когнитивными признаками:

1) всему свое время: *хар нени да кезиу болады* ‘у всего свой черёд’, *кезиу келсе, тенгиз да кзуруйду, тау да оюлады* ‘когда приходит время, и море сохнет, и гора рушится’, *кезиуюз кзуида учмайды* ‘не в свое время и орел не взлетит’, *хар кёгет кезиунде жетеди* ‘каждый фрукт поспевает в свое время’;

2) время неозвратно: *тюшген алтын табылыр, озгъан заман табылмаз* ‘утраченное золото найдется, прошедшее время не вернется’, *дуния тохтамаз, заман къайтмаз* ‘мир не остановится, время не вернется’;

3) время скоротечно: *заман деген — саркъгъан къобан* ‘время — текущая река’, *заман дегенинг тюш кирик* ‘жизнь словно сон’, *кюн узун, заман къысха* ‘день долог, время коротко’.

4) необходимость разумного распоряжения временем: *хар кюнню тёрт бёлюю: биринчиси — ишлер ююн, экинчиси — Аллахха кбулукъ этер ююн, ююнчюсю — солур ююн, тёртюнчюсю — жукълар ююн*

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. II. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002. С. 20.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. С. 337.

³ Там же. С. 688.

‘в каждом дне четыре части: первая — для работы, вторая — для служения Аллаху, третья — для отдыха, четвертая — для сна’;

5) взаимосвязь человека и времени (эпохи): *заман адамгъа кёре, адам заманга кёре* ‘каков человек, таково время, каково время, таков человек’.

Согласно передававшемуся в устной форме от поколения к поколению кодексу чести «Ёзден адет», систематизированному и изданному известным этнографом, фольклористом М. Ч. Джуртубаевым, карачаевцы и балкарцы придавали особое значение понятию заман ‘время’. Об этом свидетельствуют, как отмечает составитель кодекса, данные языка, духовной культуры этноса. В частности, он пишет:

«Если, скажем, русские сказки очень часто начинаются с указания на некое место действия (“В некотором царстве, в некотором государстве...”), то карачаево-балкарские столь же часто — с указания времени: эртте-эртте (“давным-давно...”), нартланы заманында “во времена нарттов” и т. п. Да и в любом повествовании указание времени, в самом начале, почти обязательно»¹.

В концепте-идее *заман* жизнь репрезентирована как отмеренное время: человек рождается и умирает в предназначенный день и час, поэтому жизнь бесценна: *адамны керти мюлкю — ууахты* ‘истинное имущество человека — время (срок жизни)’.

Некоторые ритуальные действия, отражающие отношение этноса к жизни и смерти

В социальной практике, как показал анализ, рассмотренные концепты выступают как регуляторы отношения к жизни и смерти, что зафиксировано в похоронно-погребальных ритуальных действиях, совершаемых в соответствии с мусульманскими нормами.

Эфенди (священнослужитель) в заупокойной речи обязательно напоминает о предопределённости смерти: *Жерни башын басхан, жерни тюбюн кёрмей кзоймайды* ‘Тот, кто ступил на поверхность земли, тот обязательно увидит и то, что под землей’, *Жашау китабы жабылды ёлгенни, алах берген заманы тауусулду* ‘Книга жизни покойника закрыта, срок, определенный аллахом, закончился’. Эта мысль закодирована и в паремии *Хар кимгеда чыггады ёлюр тую* ‘У каждого человека вырастает смертный волос’, поэтому для пожилых людей характерна подготовка ко дню смерти заранее, что репрезентировано во фразе *Ёлюр кюнюме жыяма* ‘Собираю на день своей смерти’. Как правило, этот процесс связан с покупкой белой ткани на *кебин* ‘саван’, с накоплением сбережений на поминальные продукты.

С другой стороны, в представлениях карачаевцев и балкарцев после физиологической смерти человека его душа продолжает жить, поэтому в социальной практике актуальны несколько ритуальных действий в честь умерших родственников:

1) *алгыши* ‘благопожелания’ на торжествах: *Бу кзууанч кюнубюзню кёралмагъан адамланы ол дунялары жарык болсун* ‘Пусть загробный мир тех, кто не может увидеть наш праздник, будет светлым’; *Кзууанч стол артында ёлгенлерибизни эсгере, биз алагъа жаннет тилей билирге Уллу Аллах барыбызгада акъыл берсин!* ‘Пусть Великий Аллах даст нам ума, чтобы мы помнили за праздничным столом умерших, умели просить для них рай’;

2) передача семье жениха в день свадьбы подарков, заранее приготовленных для родителей свекра и свекрови, ушедших из жизни, — *‘ёлгенлеге сый салгъан’*;

3) угощение соседей, родственников пищей, предназначенной для покойников в первый день Рамадан-байрама;

4) ежегодное чтение молитв в день смерти близкого человека с просьбой облегчения участи усопшего в загробном мире — *‘ёлген кюнню эсгерген’*;

5) поминки по четвергам в течение пятидесяти двух дней *‘байрым ингир’*, так как душа приходит на запах жареных лепешек².

¹ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 56.

² Карачаево-балкарские мифы / сост. М. Ч. Джуртубаев, пер. с балк. Х. Ч. Джуртубаева. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат»; Эль-Фа, 2007. С. 78.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в этической картине мира карачаевцев и балкарцев представлено четкое осмысление проблемы жизни и смерти, актуальное как один из приоритетных фрагментов их мировоззренческой парадигмы. Особенности отношения к феноменам *жашау* 'жизнь', *ёлюм* 'смерть', их осознание как реальной данности в конденсированном формате отражены в концептах-идеях *жан* 'душа', *къадар* 'судьба', *заман* 'время' и закреплены на социальном уровне в ритуальных действиях.

Заключение

Таким образом, в карачаево-балкарской ментальности категории *жашау*, *ёлюм* взаимосвязаны тремя концептами-идеями — *жан*, *къадар*, *заман*. В них заключена богатая историко-культурная информация о традициях отношения к жизни и смерти, «закодированных» в лексических, паремиологических, фразеологических единицах, этическом кодексе карачаевцев и балкарцев «Ёзден адет» и других источниках.

Анализ эмпирического материала позволил сделать следующие выводы.

Этимологически лексемы *жашау*, *ёлюм* восходят к древнетюркским корням, о чем свидетельствует наличие в других родственных языках полных эквивалентов или фонетических вариантов, приведенных выше.

Концептуальная диада *жашау* — *ёлюм* репрезентирована в словоформах, а также в концептах *жан*, *къадар*, *заман*, смысловая нагрузка которых тесно связана с социальной практикой карачаево-балкарского этноса, включающей специальные обряды, которые выполняют нормативную, аксиологическую функции. Жизнь в понимании этноса представлена как дар Всевышнего, а смерть — как логическое завершение жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматова, М. А. (2014) Концепт «душа» в карачаево-балкарском языке (на материале Нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 5 (61). С. 206–210.
- Башиева, С. К., Геляева, А. И., Кучукова, З. А. (2011) Смыслы и образы пространства и времени в системе этнической идентичности // Философские науки. Спецвыпуск. № 1. С. 87–108.
- Башиева, С. К., Дохова, З. Р., Чернышова, Е. Б. (2024) Репрезентация ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой «жизнь» // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 79–86.
- Гусейнова, У. Г. (2015) Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира // Вестник Вятского гуманитарного университета. № 5. С. 100–105.
- Джуртубаев, М. Ч. (2011) Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик : Эльбрус. 488 с.
- Зельницкая, Р. Ш. (2018) Современный похоронно-поминальный обряд у карачаевцев // Известия СОИГСИ. № 28 (67). С. 52–64.
- Каспихан, Б. К. (2021) Когнитивный мир древних тюрков: познание о смерти в тюркских рунических памятниках // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора СВФУ им. М. К. Аммосова, академика Европейской Академии естественных наук, заслуженного работника культуры ЯАССР и РФ, Почетного гражданина г. Якутска Алексеева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан (г. Якутск, 23 апреля 2021 г.) / отв. ред. А. Н. Варламов. Якутск : Издательский дом СВФУ. 513 с. С. 160–162.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Монгуш, Н. М. (2021) Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: сборник статей, посвященный 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 924 с. С. 719–730.

Табаксоева, И. Р. (2016) Концепт «судьба» как ядерный компонент лингвокультурного пространства (на материале карачаево-балкарского языка) // Научный диалог. № 6 (54). С. 106–113.

Дата поступления: 18.04.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

- Ахматова, М. А. (2014) The concept “soul” in the Karachay-Balkar language (based on the Nart epic). *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 5(61), pp. 206–210. (In Russ.)
- Bashieva, S. K., Gelyaeva, A. I. and Kuchukova, Z. A. (2011) Meanings and images of space and time in the system of ethnic identity. *Filosofskie nauki*, Special issue, no. 1, pp. 87–108. (In Russ.)
- Bashieva, S. K., Dokhova, Z. R. and Chernyshova, E. B. (2024) Representation of value orientations of the Russian ethnos in phraseological units with the seme “life”. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, no. 3, pp. 79–86. (In Russ.)
- Guseinova, U. G. (2015) The concept “death” in the Old Turkic linguistic worldview. *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 5, pp. 100–105. (In Russ.)
- Dzhurtubaev, M. Ch. (2011) *Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of Balkars and Karachays. Karachay-Balkar heroic epic*. Nalchik, Elbrus. 488 p. (In Russ.)
- Zelnitskaya, R. Sh. (2018) Modern funeral and memorial ritual among the Karachays. *Izvestiya SOIGSI*, no. 28(67), pp. 52–64. (In Russ.)
- Kaspikhan, B. K. (2021) Cognitive world of the ancient Turks: knowledge about death in Turkic runic monuments. In: A. N. Varlamov (ed.). *Languages and culture of the Khomus peoples of Eurasia: speech and musical communications: materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor of NEFU M. K. Ammosov, Academic of the European Academy of Natural Sciences, Honored Cultural Worker of Yakutia and Russia, Honorary Citizen of Yakutsk Ivan Egorovich Alexeev — Khomus Uybaan* (Yakutsk, April 23, 2021). Yakutsk, Publishing House of NEFU. 513 p. Pp. 160–162. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Mongush, N. M. (2021) Euphemisms with the meaning “death” in Tuvan folk tales. In: N. V. Ekeev (ed.). *Peoples of Altai in the sociocultural space of Russia at the turn of epochs: collection of articles dedicated to the 30th anniversary of the Republic of Altai and the 265th anniversary of the voluntary accession of the Altai people to the Russian state*. Gorno-Altai, BNU RA “Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov”. 924 p. Pp. 719–730. (In Russ.)
- Tabaksoyeva, I. R. (2016) The concept “fate” as a nuclear component of the linguistic-cultural space (on the material of the Karachay-Balkar language). *Nauchny dialog*, no. 6 (54), pp. 106–113. (In Russ.)

Submission date: 18.04.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.